

Леконцев Олег Николаевич

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ "НОВОГО КУРСА" (1924-1925 ГГ.) (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВОТСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье на конкретных историко-статистических и историко-правовых материалах рассматриваются особенности налоговой политики советского государства в условиях "Нового курса" (середина 1920-х гг.), которая характеризовалась смягчением налогового бремени в деревне. Автор делает вывод, что государство снижало налоги, одновременно переводя их из натуральной формы в денежную, сохраняло классовый подход, выразившийся в предоставлении бедноте налоговых льгот. Такая политика привела к снижению напряженности в деревне и более активному сбору налогов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

произведения в процессах мысленного эксперимента в новоевропейской музыке в целом подчиняется законам диалектической логики как общелогическому принципу, охарактеризованному Г. В. Ф. Гегелем как «восхождение мысли от Абстрактного к Конкретному». В связи этим можно выдвинуть гипотезу, согласно которой законы диалектики были открыты композиторами Нового времени, и не просто открыты, но активно применялись в процессе создания музыкального произведения задолго до того, как они были сформулированы в философии. Принцип «восхождение мысли от Абстрактного к Конкретному» становится логическим скелетом музыкального мысленного эксперимента. Одновременно движение от Абстрактного к Конкретному является принципом, объединяющим естественно-научные и художественные методы познания. Так законы диалектики претворились в законы музыкальной формы.

Список литературы

1. Волошинов А. В. Математика и искусство. М.: Просвещение, 1992. 335 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
3. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 542 с.
4. Медушевский В. В. Интонационная форма музыки. М.: Композитор, 1993. 262 с.
5. Медушевский В. В. Музыкальная наука: какой ей быть сегодня? // Советская музыка. 1988. № 11.
6. Мигунов А. С. Искусство и процесс познания. М.: Изд-во МГУ, 1986. 127 с.
7. Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. Литературные памятники. 829 с.
8. Новейший философский словарь. Изд-е 3-е, испр. Минск: Книжный дом, 2003. 1278 с.
9. Соловьев В. С. Красота в природе // Соловьев В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 544 с.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения: сборник избранных текстов. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

ARTISTIC ABSTRACTIONS IN MUSIC: LAWS OF DIALECTICS AND LAWS OF MUSICAL FORM

Kul'bizhekov Viktor Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy
Krasnoyarsk
oolam@yandex.ru

The author considers artistic abstractions, which are the basis for thought experiment formation in the music of the Early Modern Period, proves that abstract-logical is ontologically contained within musical matter and paradoxically it is immanently built as though an imitation of native, natural formations; characterizes the logic of musical thought movement as a movement from abstract to concrete, which is consistent with the laws of dialectics, and also shows the role of abstractions in the creation of the artistic work.

Key words and phrases: abstract; concrete; idealization; typification; musical thinking; universum; art.

УДК 94(47).084.6

Исторические науки и археология

В статье на конкретных историко-статистических и историко-правовых материалах рассматриваются особенности налоговой политики советского государства в условиях «Нового курса» (середина 1920-х гг.), которая характеризовалась смягчением налогового бремени в деревне. Автор делает вывод, что государство снижало налоги, одновременно переводя их из натуральной формы в денежную, сохраняло классовый подход, выразившийся в преодолении бедноте налоговых льгот. Такая политика привела к снижению напряженности в деревне и более активному сбору налогов.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; государство; налоги; льготы; стабилизация; «Новый курс».

Леконцев Олег Николаевич, к.и.н., доцент
Глазовский государственный педагогический институт
ONLekontsev@mail.ru

**НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ «НОВОГО КУРСА»
(1924-1925 ГГ.) (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВОТСКОЙ ОБЛАСТИ)©**

Середина 1920-х гг. ознаменовалась проведением в СССР «Нового курса» – единственного в советскую эпоху вплоть до перестройки комплекса реформ, опирающегося на ограниченные рыночные реформы. Необходимость проведения преобразований была вызвана завершающимся восстановительным периодом и необходимостью в связи с этим выбора дальнейшего пути развития. Господствовавшая в это время группа И. В. Сталина – Н. И. Бухарина – А. И. Рыкова предлагала дальнейшее развитие ограниченных рыночных отношений, выступала за отказ в сфере экономики от жестких военно-коммунистических методов управления.

Развитие промышленности, строительство новых и реконструкция старых предприятий, с их точки зрения, должны были идти за счет внутренних накоплений, в целом не нарушая баланса бюджетных ассигнований.

И. В. Сталин, рассматривая три конкретных фактора, способствующих развитию советской промышленности в 1920-е гг., в их числе обозначил и «смычку с деревней» [16, с. 184].

Стремление к ускоренному развитию промышленности, в первую очередь тяжелой, явилось одной из важнейших причин пристального внимания государства к крестьянству. По мнению Н. И. Бухарина, советская промышленность зависела в своем развитии от крестьянского хозяйства [1, с. 38], которое в 1920-е гг. было основным источником поступления финансовых средств.

В связи с этим было необходимо провести ряд экономических реформ, улучшающих отношения крестьянства к государству, среди которых особенно важно было нормализовать положение в налоговой сфере. Отношения государства и крестьянства в ней были особенно сложными и противоречивыми, поскольку касались основы крестьянского хозяйства. На заседании пленума Вотского обкома 19-21 июня 1925 г. было зафиксировано, что регулятором положения в деревне являлись налоги и всевозможные сборы. Каждое мероприятие, затрагивающее материальную сторону жизни крестьянина, быстро выливалось в ту или иную форму протеста [18, д. 587, л. 25].

Изменения политики государства в деревне привели к смягчению его позиции в налоговой сфере. В 1924 г. единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) окончательно становится денежным [12]. В этом же году были приняты поправки к налоговому кодексу, согласно которым скот и земельные угодья приравнивались к пашне. В Вятской губернии и Вотской области 1 лошадь или 1 корова приравнивались к 1 дес. пашни, 1 дес. заливных лугов – к 0,5 дес. пашни, 1 дес. незаливных лугов – к 0,3 дес. пашни.

Согласно существующим правилам, уровень налогов делился в зависимости от природно-климатических условий текущего года и урожая на 6 разрядов. В зависимости от них определялась надбавка на местные нужды. Так, в 1924 г. в Вотской области разряды урожайности составляли: в Глазовском уезде – 4 разряд (20% надбавки на местные нужды), в Можгинском и Ижевском уездах – 6 разряд (30%) [15].

Но установленный налоговый порядок, более структурированный и прозрачный, все же нередко вызывал недовольство крестьян. Приравнивание 1 головы лошади или коровы к 1 дес. пашни было явно неэквивалентным, учитывая разную эффективность посевов и скота для крестьянского хозяйства. В Ижевском уезде крестьяне были недовольны тем, что государством скот приравнивался к одной десятой земли и «слышны отголоски от отдельных личностей, что они в будущем не будут держать лишнего рогатого скота, мотивируя тем, что они им не приносят никакой пользы, кроме одного вреда» [18, д. 480, л. 119].

ЕСХН, по оценке тех лет, «довольно тяжело отозвавшись на средних и низших группах налогоплательщиков» [Там же, д. 602, л. 3], на 1924/25 хозяйственный год составил по области 2 277 526 руб. [19, д. 231, л. 7]. В Глазовском уезде налоги составляли 25-27% валового дохода крестьянского хозяйства [18, д. 494, л. 62].

В Вятской губернии приравнивание крупного скота к земле оказывало негативное влияние на бедняков, т.к. малоземельные крестьяне сельскохозяйственный налог платили больше за скот, чем за землю, из-за этого беднота начала продавать свой скот, скупаемый частными мясниками и кулаками [10, д. 50, л. 160].

Средняки из д. Подосиновы Рожкинской волости Малмыжского уезда считали, что налог тяжел, сумма обложения каждый год устанавливалась новая, а «прежде мы знали заранее, сколько нужно платить подати и в какое время» [Там же, л. 75].

Недовольны были и бедняки, поскольку налог продолжал взиматься с их хозяйств без отсрочек, и это разоряло маломощное крестьянство. Кулаки использовали сбор налогов и скупали имущество у бедняков, которые были вынуждены его продавать, чтобы рассчитаться с государством. Уплата сельскохозяйственного налога усиливала обнищание бедняка и его зависимость от кулака [Там же, л. 157].

Налоги и другие государственные сборы серьезно затрагивали крестьян-кустарей. Так, кузнец д. Чекмари Халтуринского уезда, работая в кузнице без найма рабочих, уплатил за первое полугодие 1925 г. налогов: патент – 3 руб. 50 коп, облигация золотого займа – 5 руб. (облигации принудительно шли «в нагрузку»), подоходный имущественный налог – 12 руб. 50 коп, облигация золотого займа – 5 руб., уравнительный сбор – 7 руб., облигация золотого займа – 5 руб., «добровольно-обязательная» помощь голодающим – 7 руб. Всего 45 руб. Из-за этого он был вынужден или закрывать кузницу, или повышать цены за ремонт сельскохозяйственного инвентаря [Там же, л. 160-161].

В Халтуринском уезде среди кустарей, кузнецов и крестьян, имеющих молотилки, усиливалось недовольство размерами повинностей. Крестьяне, которые имели сельскохозяйственный инвентарь, другим, даже соседям, его не давали, боясь патента и уравнительного сбора. Обложение кузнецов также ставило крестьян в трудное положение, у них накапливался сломанный сельскохозяйственный инвентарь, т.к. кузнецы опасались обложения и прекращали работу своих мастерских. В Ключевской волости Котельничского уезда насчитывалось 20 кузниц, из них работало всего 7, остальные были закрыты из-за высоких налогов [Там же, л. 159-160].

Такое положение было общим по стране. Поэтому в 1925 г. продолжались изменения законодательства в налоговой сфере. 7 мая 1925 г. ВЦИК и СНК было издано постановление о ЕСХН на 1925/26 г. Согласно этому документу, обложению ЕСХН подлежало всё население, занимающееся сельским хозяйством. При этом те, кто платил ЕСХН, от других налогов были освобождены, кроме обязательного окладного страхования.

Основной единицей обложения оставалась 1 дес. пашни. Но при этом происходит изменение градации. Если по заливным сенокосам коэффициент оставался прежний (0,5 дес. сенокоса к 1 дес. пашни), то 1 дес. незаливного сенокоса была приравнена к 0,35 дес. (увеличение на 0,05 дес.). Зато происходит снижение градации скота – 1 лошадь стала приравниваться к 0,7 дес. пашни, 1 голова крупного рогатого скота – 0,6.

Полностью снималась надбавка на местные нужды. Крестьяне могли выделять средства на обеспечение образования, здравоохранения, ремонт и т.д. только в добровольном порядке [5].

Среди других изменений на 1925/26 хозяйственный год в налоговой сфере следует выделить изменение объектов налогообложения. В 1924/25 г. налог в сельскохозяйственной сфере исчислялся с доходов от земли, лугов и со скота. А в 1925/26 г. планировалось облагать налогами доходы и с второстепенных отраслей. То есть в целом налог становился меньше, но взимался с увеличенного количества объектов налогообложения.

Всего с крестьянского хозяйства налог планировалось взимать в размере от 3 до 24% его доходности [3].

К лету 1925 г. изменилась ситуация с кустарями. Налогообложение с них также уменьшилось и в связи с налоговыми льготами кузнецы и другие кустари в значительной мере возобновили свою работу. Владельцы мельниц, благодаря понижению налогов, начали уменьшать цену с размалываемого зерна [10, д. 51, л. 18].

Крестьянам разъяснялось, что государство, облегчая налоговое бремя, которое было «тяжеловатым», и в целях подъема сельского хозяйства сокращает налоги. Новым законом повинности сократились на 30%, к тому же более полно стало учитываться качество почвы и т.д. и оценка экономических возможностей индивидуально для каждого хозяйства. Таким же образом планировалось расширить льготы [Там же, л. 128].

Все это привело к уменьшению размеров налогов. Если до революции крестьянин платил 10 руб. 37 коп. в год на душу населения, то в 1924/25 г. по СССР – 3 руб. 96 коп., а в 1925/26 хозяйственном году планировалось оставить 2 руб. 77 коп. [5].

По РСФСР в среднем в 1924/25 г. сельскохозяйственный налог составил 2 руб. 76 коп. на человека, в 1925/26 г. – 1 руб. 87 коп. На 1 крестьянское хозяйство приходилось соответственно 14 руб. 22 коп. и 9 руб. 59 коп. [7].

Непосредственно единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) – основная крестьянская повинность – в 1925 г. уменьшился на 40% [4].

В Вятской губернии благодаря общему сокращению ЕСХН уменьшился с 7 011,3 тыс. руб. в 1924/25 г. до 4 633 тыс. в 1925/26 г. [8, д. 1544, л. 203], а в Вотской области – с 2 292 144 до 1 523 924 [13].

Снижая финансовое давление на зажиточные хозяйства, государство не отказывалось полностью от классового принципа. Проверяющие сельское хозяйство провинциальные советские и партийные работники сообщали, что необходимо дальнейшее снижение сельскохозяйственного налога с бедноты, чтобы дать ей возможность укрепить свои хозяйства [9, д. 766, л. 42].

Наркомфин РСФСР в циркулярном письме констатировал, что достигнутые усовершенствования в самой системе обложения и широкие права, предоставленные регионам по изменению коэффициентов переводов, разрядов по обложению, размеров надбавок и принятие других таблиц ставок дают возможность ослабить налоги и наиболее закономерно их распределить между различными группами хозяйств в соответствии с платежеспособностью крестьян.

Базисом, на котором в 1924/25 хозяйственном году основывалось распределение налогов, было, по мнению наркома, наиболее целесообразное и продуктивное использование льгот и скидок.

На фоне этих указаний Вятский губернский финотдел сообщал, что получены новые ставки для исчисления оплаты подоходно-имущественного дохода. Порядок исчисления окладов налога был установлен на строго классовом принципе обложения [2].

Государство, идя навстречу беднейшей части крестьянства, устанавливало минимальный доход крестьянского хозяйства, который не облагался налогом [3].

Фонд льгот и скидок был значительно увеличен, в 1923/24 г. он составлял по СССР приблизительно 16% общей суммы налога, а в 1924/25 г. – в среднем 26%, по неурожайным губерниям дохода до 80%.

Для бедноты в 1923/24 г. предоставлялось 5% скидок от общей суммы, в 1924/25 г. – 6,5%. Согласно постановлению ЦИК и СНК от 15 июля 1924 г., местным властям был предоставлен скидочный фонд в 6% по животноводству. При этом рекомендовалось скидку предоставлять в первую очередь маломощным, бесскотным хозяйствам.

В совокупности в 1923/24 г. от налога были освобождены в среднем по регионам около 20% хозяйств, больше 20% пользовались льготами. При увеличении количества и размера льгот в 1924/25 г. планировалось предоставить льготы и скидки около 35% хозяйств [18, д. 462, л. 6-7].

На 1925/26 г. автоматически освобождались от налогов маломощные хозяйства (на одного едока не более 0,75 дес. посевов); бесскотные хозяйства, имеющее 1 дес. посевов на человека; хозяйства, не располагавшие работниками и работницами, имеющее не больше 1 дес. посевов на человека и 1 корову.

Безлошадные хозяйства, в которых приходилось не больше 1 дес. на человека, освобождались от 50% налога.

Кроме того, провинциальному руководству рекомендовалось предоставлять льготы маломощным хозяйствам из 3% фонда от части налога, которая оставалась в регионах. В Вотской области эта сумма достигала 40 тыс. руб. [14].

В Вятской губернии в 1925/26 г. было предоставлено льгот 65 544 бедняцким хозяйствам на 212 599 руб., что составило 16,6% к общему числу крестьянских хозяйств губернии. В том числе было полностью освобождено от налога 14 937 хозяйств.

В 1926/27 г. было освобождено 66 199 хозяйств на 307 тыс. руб. (16,7%), в том числе полностью освобождено от налога 25 065 хозяйств [8, д. 1740, л. 30].

В Вотской области в 1924 г. 30 тыс. крестьянских хозяйств (около 30% от общего количества) были предоставлены налоговые льготы. В итоге средний крестьянский налог оказался ниже довоенного на 35% [17, с. 46], а по сравнению с налогом 1923/24 г. (2,5 млн руб.) он был снижен на 47% [18, д. 602, л. 2].

Всего по стране налоги снижались на 40 млн руб. – с 340 до 300. И хотя классовый принцип возобладал – как уже отмечалось выше, льготы были обещаны, прежде всего, беднякам и малоимущим середнякам, но поскольку налог снимался с 6 млн крестьянских хозяйств (около 30% от общей численности), очевидно, что он касался и более обеспеченных середняков, – было указано также, что налог будет собираться не со скота, а с доходов со скота [3].

Сроки и размеры налога предполагалось объявить в конце мая 1925 г., окладные листы крестьяне получали до сбора урожая [4].

Следовательно, классовый подход в годы «Нового курса» изменился. Если в годы военного коммунизма и начавшейся в 1928 г. коллективизации он заключался, прежде всего, в усилении налогового давления на верхушку деревни, то на короткое время в середине 1920-х гг. классовая линия сводилась исключительно к уменьшению налогов бедняцким хозяйствам.

Помимо уменьшения денежного налога, сократилось число натуральных повинностей, установленных еще в годы военного коммунизма. Так, например, в результате проверки Бурановского волисполкома Ижевского уезда осенью 1924 г. было запрещено бесплатное использование подвод крестьян работниками сельсоветов и волисполкома [18, д. 589, л. 70].

Два фактора – хорошие урожаи 1924 г., 1925 г. и уменьшившиеся налоги – привели к улучшению обстановки в деревне. Положительные взгляды крестьян на политику государства были заметны уже во время сборов налогов с урожая 1924 г. – осенью-весной 1924/25 хозяйственного года.

Данные ОГПУ свидетельствовали, что новый закон об уменьшении размеров единого сельхозналога был встречен населением одобрительно, хотя все же высказывались пожелания о необложении скота и необработываемых земель. Уменьшение сельскохозяйственного налога давало крестьянам больше уверенности в оценке дальнейшего существования, улучшении своего хозяйства и поэтому в сводках ОГПУ встречались позитивные отзывы сельского населения о мероприятиях Советской власти [10, д. 51, л. 44].

В отличие от предыдущих лет крестьяне более активно сдавали единый сельскохозяйственный налог и возвращали семенную ссуду. Так, в Котельничском уезде Вятской губернии крестьяне, особенно бедняки и середняки, стремились изыскать средства на уплату налога. От продажи хлеба они воздерживались, т.к. цены на него, по их мнению, были низкими. В основном продавали лен, «цена на который по уезду стоит довольно приличная от 12 до 16 руб. за пуд» [9, д. 644, л. 196].

До получения окладных листов на руки большинство крестьян уезда привычно ожидало больших, разорительных для их хозяйств налогов. Население не верило успокоительным сообщениям периодической печати и официальных документов и поэтому проявляло беспокойство и раздражительность. Однако урожай и уменьшившийся размер налога привели к тому, что, как оказалось, бедняки и середняки по уезду смогут выполнить сельскохозяйственный налог, хотя и с трудом, но обойдутся без продажи самых необходимых предметов крестьянского обихода, как это происходило в 1923/24 г. В сводке ОГПУ подчеркивалось: «Отношение крестьян к сельскохозяйственному налогу серьезное, он считается ими, как обязательно нужный для государства. Нареканий на Советскую власть и РКП(б) не наблюдалось. Жизнь деревни в данный момент... направлена в сторону изыскания денежных средств для уплаты сельскохозяйственного налога, для чего крестьянством реализуется излишек своего продукта, сырья и даже скот» [Там же].

И хотя, по мнению сотрудников ОГПУ, налоговая кампания все же негативно отразилась на отдельных хозяйствах, но не в той степени, что было в 1923/24 г., благодаря предоставленным льготам для слабых бедняцких и батрацких хозяйств [Там же].

Об активности крестьян в уплате налогов можно проследить на примере Шалеговской волости Халтуринского уезда Вятской губернии. Планируемый налог с крестьянства волости составлял в переводе на натуральные показатели 29 125 пудов зерна, к весне 1925 г. было собрано 28 753 (98,8%). Уплата производилась облигациями и деньгами, на 1 ноября 1924 г. были уплачены 24 958 пудов, из которых на 21 680 пудов облигаций, на 2 718 пудов деньгами [11, д. 766, л. 34 об.].

В целом по губернии выполнение единого сельскохозяйственного налога также проходило успешно. На 8 января 1925 г. крестьянством было выполнено до 70% налоговых сборов (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Выполнение налогов по уездам Вятской губернии в 1924/25 г. (в руб.) [10, д. 50, л. 11-12]

Уезд	Выполнено	% к общему заданию	Осталось сдать
Вятский	519 426	72,5	99 293
Котельничский	913 099	72,7	221 308
Малмыжский	582 482	72,7	74 405
Нолинский	954 049	67,4	283 914
Омутнинский	154 955	66	66 283
Слободской	634 959	77,5	84 370
Уржумский	434 111	60,8	175 725
Халтуринский	651 174	80,4	67 743
Яранский	782 010	60,4	336 256

В целом по губернии злостных неплательщиков налогов среди крестьян не выявлялось. Тем не менее, наблюдались некоторые случаи выжидательных настроений отдельных домохозяев. В двух волостях – Просницкой и Селезневской – Вятского уезда их количество составило не более 80 хозяев, что было немного. Власти подвергали таких крестьян административным взысканиям, главным образом штрафам.

Если в Котельничском уезде, как показано выше, активность в сдаче налогов проявляли бедняки и середняки, то в других уездах губернии проявлялись другие тенденции. Быстрее всего налоги выплачивались зажиточным и середняцким крестьянством [10, д. 50, л. 11].

Мягкая налоговая политика существовала недолго – в 1924-1925 гг. С отказом от «Нового курса» налоги вновь начинают расти. Первыми это ощутила зажиточная верхушка, а с развитием коллективизации – все крестьянство.

Список литературы

1. Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990.
2. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1924. 16 ноября.
3. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. 1 февраля.
4. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. 29 марта.
5. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. 10 мая.
6. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. 17 мая.
7. **Вятская деревня:** орган Вятского губернского исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. 16 октября.
8. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-875. Оп. 1.
9. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1. Оп. 2.
10. ГАСПИКО. Ф. 1. Оп. 3.
11. ГАСПИКО. Ф. 11. Оп. 2.
12. **Ижевская правда:** орган обкома РКП(б)-ВКП(б), облисполкома, облпрофсовета и Ижевского горсовета рабочих и красноармейских депутатов. 1924. 26 июля.
13. **Ижевская правда:** орган обкома РКП(б)-ВКП(б), облисполкома, облпрофсовета и Ижевского горсовета рабочих и красноармейских депутатов. 1925. 31 июля.
14. **Ижевская правда:** орган обкома РКП(б)-ВКП(б), облисполкома, облпрофсовета и Ижевского горсовета рабочих и красноармейских депутатов. 1925. 11 августа.
15. **Ижевская правда:** орган обкома РКП(б)-ВКП(б), облисполкома, облпрофсовета и Ижевского горсовета рабочих и красноармейских депутатов. 1925. 17 сентября.
16. **Письмо И. В. Сталина В. М. Молотову от 12 июля 1925 года** // Известия ЦК КПСС. 1990. № 5.
17. **Попов В. К.** Борьба трудящихся Удмуртии за восстановление народного хозяйства в 1921-1925 гг. // Записки Удмуртского научно-исследовательского института. Ижевск, 1965. Вып. 17. С. 3-67.
18. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1.
19. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-195. Оп. 1.

TAX POLICY OF THE SOVIET STATE DURING “NEW DEAL” (1924-1925) (BY MATERIALS OF VYATKA PROVINCE AND VOTYAK REGION)

Lekontsev Oleg Nikolaevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Glazov State Pedagogical Institute
ONLekontsev@mail.ru

The author, basing on specific historical-statistical and historical-legal materials, considers the features of the Soviet state tax policy under the conditions of “New Deal” (the middle of the 1920s), which is characterized by tax burden mitigation in the countryside, concludes that the government cut down taxes while transferring them from a natural form into a money one, retained class approach, which was expressed in exemption for the poor, and shows that such policy led to the reduction of tensions in the countryside and increased tax collection.

Key words and phrases: peasantry; state; taxes; benefits; stabilization; “New Deal”.